

Х.Д. Цуцаева (Институт языкознания РАН)

H.D. Tsutsaeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Синтаксическая синонимия экзистенциальных конструкций

английского языка

Syntactic synonymy in English existential sentences

Аннотация

В данной статье исследуются существующие грамматические, структурные и стилистические сходства и различия инвертированных экзистенциальных предложений. Установлено, что конструкции с вводящим *there*, простой и двойной инверсией являются синтаксическими синонимами и образуют синонимичный ряд. Наряду с главными критериями синонимичности рассматриваемых предложений имеются и факультативные, а именно критерий коммуникативной (тема-рематической) организации исследуемых высказываний и критерий взаимозаменяемости.

This paper examines the occurring grammatical, structural and stylistic sameness and otherness in existential sentences. It was established that existential constructions with *there*, with simple and double inversion appeared to be syntactic synonyms and formed a synonymic row. Along with the main synonymic criterion of the sentences involved there are optional factors such as Topic-Comment structure and interchangeability.

Ключевые слова

Синтаксические синонимы, синтаксический синонимический ряд, доминанта синтаксического ряда

Syntactic synonyms, syntactic synonymic row, dominant of synonymic row

Исследование проблем синтаксической синонимии приближает нас к решению коммуникативно-когнитивной проблемы механизма выбора языковых единиц в процессе

речевого общения, что является достаточно актуальным аспектом современной лингвистики. Являясь инструментом обогащения языка выразительными средствами, синтаксическая синонимия представляет собой особый интерес, но является наименее изученной областью языкознания как в лексике, так и в грамматике, а особенно в синтаксисе. Благодаря многочисленным работам, появившимся в последнее время и посвященным отдельным частным вопросам грамматической синонимии (Т.С. Сорокина, М.В. Хлебникова, В.М. Хантакова, Е.В. Шарина, А.Г. Хайрутдинова и др.), в настоящее время можно сказать, что разработка этого вопроса дала многое как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ранее исследования грамматических синонимов проводились многими отечественными лингвистами (В.Н. Ярцева, Е.И. Шендельс, И.М. Жилин, В.Н. Гвоздев, В.П. Сухотин, Ю.Н. Власова, В.П. Ковтунова и др.), которые указывали, что основанием для их выделения должна служить структурная близость и сходство грамматического значения единиц. В зарубежной лингвистике проблема синтаксической синонимии рассматривалась в работах Г. Суита, О. Есперсена, З.С. Хэрриса, Н. Хомского, У.Л. Чейфа, Дж. Дж. Катца, однако четкого определения синтаксической синонимии как таковой не было предложено, но были появились предпосылки для дальнейшего углубления и изучения данного понятия.

Известно, что термин «грамматические синонимы» впервые был введен в лингвистику А.М. Пешковским, который указал, что «синтаксическая синонимия обнаруживается там, где есть возможность выбора, варьирования различных грамматических средств для выражения одного и того же содержания. Причем лексическое наполнение представленных в ситуации выбора форм и конструкций должно оставаться в целом неизменным» [6, 53].

Полная грамматическая синонимия вызывается сходством грамматического значения, функционально-синтаксическим и структурным сходством. И.М. Жилин в своей работе определяет синтаксические синонимы как модели таких синтаксических конструкций (предложений, оборотов или словосочетаний), которые при одинаковом лекси-

ческом наполнении обладают адекватным грамматическим значением, выражают сходные синтаксические отношения и способны при определенных контекстуальных условиях к взаимозамене [3, 4].

Однако В.Н. Ярцева поставила под сомнение критерий «взаимозаменяемости» и подчеркивала, что этот критерий играет второстепенную роль. По ее мнению, образование грамматических синонимов происходит, главным образом, в результате функционального сближения грамматических конструкций [11, 28].

Такое же мнение высказывает Т.С. Сорокина, указывая, что многообразные различия семантически различных языковых выражений затрудняют их взаимозаменяемость. Поэтому отсутствие взаимозаменяемости не есть еще признак отсутствия синонимии. И наоборот, взаимозаменяемость не есть признак синонимичности языковых выражений, следовательно, формальный тест взаимозамены нельзя абсолютизировать как критерий синонимии [7, 9].

Исходя из приведенных определений, можно вывести основные принципы синтаксической синонимии: структурная близость, общность грамматического значения, общность семантического содержания и способность к взаимотрансформируемости. Однако отношения по трансформации считаются не условием, а следствием существования синонимичных конструкций. Но возможность взаимозамены синонимических конструкций показывает, что эти структуры передают близкие лексико-грамматические отношения.

В данной статье делается попытка анализа инвертированных экзистенциальных предложений (ЭП) как синтаксических синонимов, образующих синонимичный ряд. В исследуемые синтаксические конструкции входят: 1) ЭП с вводящим *there*; 2) ЭП с простой инверсией; 3) ЭП с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме типа Continuous или Passive:

1. *There was a heap of scenery sketches on the grand piano* (Fr. Forsyth. *The Dogs of War*, 1985). (*On the grand piano there was a heap of scenery sketches*).

2. **On the grand piano was a heap of scenery sketches*.

3. **Lying on the grand piano was a heap of scenery sketches. (Scattered on the grand piano was a heap of scenery sketches.)*

Структурные модели приведенных конструкций имеют следующий вид:

1. *there*— V — S —Adv (Adv—*there*— V — S)
2. Adv—V—S (простая инверсия)
3. V—Adv—V—S (двойная инверсия)

Исследуемые конструкции имеют в основном трехчленную синтаксическую структуру (Adv—V—S), где в строгом порядке следуют определенные члены предложения: обстоятельство — сказуемое — подлежащее. В синтаксическом плане сходство этих конструкций заключается в инвертированном порядке расположения членов предложения, т.е. в препозиции сказуемого по отношению к подлежащему. Причем наличие десемантизированного *there* (в конструкции с вводящим *there*) и расщепленного сказуемого (в конструкции с двойной инверсией) не нарушает указанного сходства. На глубинном уровне анализируемые конструкции демонстрируют репрезентацию экзистенциальных отношений в широком смысле слова. Созданию таких отношений способствует наличие в семантической структуре трех компонентов: локализатор— бытийный глагол — имя бытующего лица или предмета (Loc—V_{ex}—N_{ex}).

Реализация экзистенциальных конструкций с инвертированным порядком слов в речи показывает идентичное расположение элементов **актуального членения**. Это означает, что три определенных члена синтаксической структуры, которые составляют основу экзистенциальных отношений данных конструкций, входят соответственно в тематический и рематический сектор, т.е. локализатор и бытийный предикат манифестируют тему высказывания, а имя бытующего предмета является ремой. Учет коммуникативного фактора представляет определенный интерес для детерминации синтаксических синонимов с точки зрения их функционирования в высказывании. Однако данный фактор, по нашему мнению, наряду с взаимозаменяемостью представляет собой факультативный критерий синтаксической синонимии.

Из существующего определения синтаксической синонимии ясно, что собственно о синонимике в синтаксисе речь идет в том случае, когда для выражения данного отношения в языке наличествуют две или более синтаксических конструкции. Набор таких равнозначных или эквивалентных синтаксических конструкций представляет собой синтаксический или синонимичный ряд. Количество членов в том или ином синонимичном ряду может быть различным. Наиболее распространенным случаем является синонимичный ряд, состоящий из двух или трех, реже — четырех, пяти или более членов. Рассматриваемые в данной статье экзистенциальные синтаксические конструкции обладают рядом семантических, грамматических и структурных свойств, свидетельствующих о возможности их включения в один синонимический ряд. Ю.Н. Власова отмечает, что синонимический ряд синтаксических конструкций представляет собой совокупность структур, объединенных общими и отличительными признаками. Данный ряд состоит из строго определенного числа синтаксических конструкций [2, 64].

Таким образом, синтаксический синонимический ряд — это ряд грамматических конструкций, «более или менее близко совпадающих по своему основному (стержнево-му) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1, 118].

Синонимический ряд инвертированных экзистенциальных конструкций имеет следующее построение:

1. а) *there* — V — S — Adv; б) Adv — *there* — V — S

а) *There was a group of school teachers on the left side* (J. Cheever. Selected Stories, 1980)

б) **On the left side there was a group of school teachers.*

2. Adv — V — S

**On the left side was a group of school teachers.*

3. V — Adv — V — S

**Standing on the left side was a group of school teachers.*

Основное семантическое содержание представленного синонимического ряда ре-

ализуется через наличие экзистенциального характера всех упомянутых выше предложений. А если конкретизировать существующие в них бытийные отношения, то данные предложения скорее объединяет значение наличия какого-то лица в определенном месте. Попытка пополнить синонимический ряд инвертированных ЭП локативными предложениями, которые также отражают пространственно-предметный аспект мира, является спорной. Следует отметить и тот факт, что именно тема-рематическая структура отличает ЭП от локативных, например:

1. *The tea things were on the tables* (T—R).

2. *On the tables there were tea things* (T—R).

Оба предложения в данном случае отражают одну и ту же денотативную ситуацию, но различаются коммуникативной направленностью и неопределенностью имени бытующего предмета в ЭП. Первое предложение (локативное) с прямым порядком слов имеет направленность от объекта к месту его локализации, т.е. указывает местонахождение. Второе предложение (экзистенциальное) имеет иной смысловой центр, который переместился на имя бытующего предмета, вследствие чего высказывание приобрело бытийный характер. Другими словами, различие состоит в том, что в локативных предложениях исходным пунктом сообщения (темой) служит известный предмет, а сообщаемым (ремой) — местонахождение этого предмета. В экзистенциальных предложениях, наоборот, данным (темой) является место, а новым (ремой) — его предметное наполнение. Следовательно, в ЭП сообщается о существовании лица, предмета или явления во времени и пространстве, т.е. об экзистенциальности — понятии, которое выходит за рамки чисто лингвистического.

Анализ указанных предложений показывает, что коммуникативный (тема-рематический) фактор, хотя и является факультативным критерием синтаксической синонимии, однако в приведенных примерах именно этот критерий помогает нам исключить локативные предложения из синонимического ряда инвертированных ЭП.

Семантическая близость инвертированных экзистенциальных предложений с вво-

дящим *there*, с простой инверсией и двойной инверсией не означает тождественности, потому что каждая из рассматриваемых конструкций имеет структурные, семантические и стилистические ограничения. Указанные ограничения должны учитываться при использовании критерия взаимозаменяемости. Например, дистрибутивный анализ инвертированных экзистенциальных конструкций показал, что в конструкциях с простой и двойной инверсией обстоятельство должно быть выражено только пространственным локализатором, а не темпоральным. Вербальная невыраженность локализатора имеет место только в конструкции с вводящим *there*, но и в этом случае обстоятельство может эксплицитизироваться из контекста или же эксплитивное *there* берет на себя часть локативной семы.

В конструкции с простой инверсией отсутствие обстоятельства места нарушает структурную целостность, следовательно, локализатор является облигаторным компонентом данной конструкции. Функционирование адвербиальных фраз или адьюнктов в двойной инверсии носит двойственный характер, а именно: при инверсии двучленного сказуемого в форме типа Continuous экспликация локализатора обязательна, в то время как двучленное сказуемое в форме Passive допускает импликацию обстоятельства. Данный факт, видимо, объясняется наличием в структуре сказуемого глаголов с адвербиальной интенцией, которые и позволяют восстанавливать локализатор из микро- или макроконтекста.

Стилистическая маркированность конструкции с двойной инверсией не позволяет замещать конструкции с вводящим *there* и конструкции с простой инверсией без определенных контекстуальных условий. Поэтому для определения особенностей употребления синонимичных синтаксических конструкций в речи необходимо исследовать контекст, обуславливающий особенности их речевой реализации. Для исследуемых экзистенциальных конструкций это в основном описательный контекст, где объект носит опредмеченный характер.

В системе языка существуют синонимичные единицы, однако, по справедливому замечанию Ю.И. Власовой, для осуществления определенного коммуникативного зада-

ния в речи всегда имеет место выбор одной из них. Определение контекстуальных особенностей употребления синонимичных синтаксических конструкций поможет обнаружить факторы, обуславливающие их выбор [2, 225]. Здесь необходимо указать, видимо, и на контекстуальные связи, которые в некоторой степени являются определяющими при выборе, например, конструкции с *there*, содержащей локализатор в начальной позиции. В то же время иногда в одном и том же контексте могут одновременно функционировать несколько единиц синонимического ряда.

1. *The station site came sliding on to the screen from the left; a roughly leveled area of a few acres; the first and only sign order in the stony chaos.* 2. *At the far end was a pair of hemispherical huts, one much larger than the other.* 3. *At the near end, a few cylindrical crates were lined up beside a launching ramp hewn from the rock.* 4. *Down each side of the area stood rows of canvas bins, some stuffed bull of a conical shape; others slack empty or half-empty.* 5. *In the whole scene there was only one sign of movement - a small, space figure...* (Science fiction, 1979).

Данный описательный контекст содержит три высказывания экзистенциального типа, которые имеют близкую синтаксическую структуру (Adv — V — S) и находятся между собой в отношениях взаимозамещения. Как второстепенный критерий здесь можно выделить идентичную тема-рематическую структуру, где подлежащее вместе с приименными и постпозитивными определениями несет основную рематическую нагрузку в высказывании. Однако не все конструкции бытийного синонимического ряда в анализируемом контексте могут взаимотрансформироваться. Здесь вступают в силу упомянутые выше ограничения, а точнее: семантическое ограничение для последнего предложения. Указанное ограничение заключается в том, что в предложениях с простой инверсией имя бытующего предмета не реализуется с лексическими показателями типа *only, just, even, merely, exactly*. Подобная трансформация конструкции с вводящим *there* в конструкции с простой инверсией придает предложению искусственный вид.

**In the whole scene was only one sign of movement — a small, space figure...*

Структурная лимитация наблюдается и при взаимозамене простой инверсии вто-

рого предложения конструкцией с *there*, которая функционирует в двух вариантах: а) Adv—*there*—V—S и б) *there*—V—S—Adv. В данном случае вариант (б) оказывается неприемлемым, ибо наличие распространенного постпозитивного определения при подлежащем отдаляет обстоятельство места от сказуемого.

**There was a pair of hemispherical huts one much larger than the other at the far end.*

В структурном плане правильным будет фразоначалное расположение локализатора:

**At the far end there was a pair of hemispherical huts one much, larger than the other.*

Такое же ограничение, а в анализируемом примере это громоздкое подлежащее с однородными членами, допускает только вариант (б).

**Down each side of the area there stood rows of canvas bins, some stuffed full of a conical shape; others slack, empty or half-empty.*

Присутствие делексикализованного глагола *stand* в этом предложении дает возможность произвести следующую трансформацию:

**Standing down each side of the area were rows of canvas bins, some stuffed full of a conical shape; others slack, empty or half-empty.*

Восстановить этот же глагол можно из микроконтекста второго предложения, где имя бытующего предмета *hut* имеет признак 'вертикальность положения'. Таким образом, мы получили конструкцию с двойной инверсией двучленного сказуемого в форме Continuous: **Standing at the far end was a pair of hemispherical huts one much larger than the other.*

Имя бытующего предмета 5-го предложения, которое реализуется неопредмеченным объектом *sign*, в некотором смысле ограничивает трансформацию предложения с вводящим *there* в конструкцию с двойной инверсией. В этом контексте не встречается высказывание с двойной инверсией, которое в сравнении с конструкциями, содержащими вводящее *there* и простую инверсию, имеет менее частотную репрезентацию. Вместе с тем выбор синтаксического синонима объясняется стилистической значимостью каждого элемента и зависит от его структурно-семантических характеристик. При этом возможны

случаи, когда в объемах значений синонимы совпадают, а единственным различительным признаком служит стилистическая нагрузка. В известной степени это относится к функционированию конструкции с двойной инверсией в тексте:

It was a spectacular body that of a handsome fair-haired man. Standing over the body was a woman, a short powerfully-built middle-aged woman with a curious blank expression. On far side of the pool was a tall young woman whose hair matched the autumn leaves in its rich brown... A little farther off there was a man, a tall, inconspicuous man in a shooting-coat, carrying a gun (A. Christie. The Hollow, 1976).

Синтаксические синонимы здесь представлены экзистенциальными конструкциями с двойной и простой инверсией:

Standing over the body was a woman... (двойная инверсия)

On far side of the pool was a tall young woman... (простая инверсия)

A little farther off there was a man... (с вводящим *there*)

То, что данные структуры встречаются в совершенно адекватных контекстах, не только в плане выражения, но и в плане содержания, способствует их беспрепятственной трансформации. Но тогда необходимо учитывать, что реализация предложений с двойной инверсией в тексте связана с высокой степенью мотивированности такой конструкции. Вне контекста возможны следующие трансформации внутри указанного синонимического ряда:

Standing over the body was a woman. . .

**Over the body was a woman. . .*

**Over the body there was a woman. . .*

On far side of the pool was a tall young woman. . .

**On far side of the pool there was a tall young woman. . .*

**Standing on far side of the pool was a tall young woman. . .*

A little farther off there was a man. . . .

**A little farther off was a man . . .*

**Standing a little farther off was a man...*

Описательный контекст формируется на основе логически объединенных суждений. Постпозитивное подлежащее в рассматриваемых предложениях, являясь смысловым центром высказывания — ремой, вводит в описание предмет или лицо, идентификация которого происходит или в этом же предложении с помощью постпозитивных распрощенных определений, или же в последующих высказываниях. Кроме того, определенная логическая последовательность инвертированных предложений имеет целью сохранить контекстуальные связи, стиль изложения и индивидуальность авторского почерка, а любая трансформация внутри контекста должна быть стилистически оправдана. Поэтому взаимозаменяемость является не условием, а следствием синонимичности конструкций.

Характерным признаком синтаксического синонимического ряда является наличие в нем ведущей формы (доминанты), основным признаком которой считается способность наиболее эксплицитно отражать структуру ситуации. Ю.Н. Власова отмечает, что наибольшая эксплицитность в отображении ситуации рассматривается как наличие в составе конструкции компонентов, необходимых для обозначения всех участников ситуации. Кроме того, она отмечает многозначность конструкций, т.е. наибольшую частоту ее употребления и наименьшую стилистическую маркированность (доминанта является стилистически нейтральной). В дальнейшем детерминируются критерии выделения доминанты синтаксического синонимического ряда:

- 1) способность наиболее эксплицитно отображать структуру ситуации (сложного денотата);
- 2) многозначность;
- 3) наибольшую частотность употребления;
- 4) нейтральность в стилистическом отношении [2, 67—69].

Указанные критерии мы и положили в основу выведения доминанты синтаксического ряда со значением экзистенциальности:

On a window-sill there was a pile of copies of the Saturday Evening Post (N. Shute. Landfall, 1983).

**On a window-sill there was a pile of copies ...*

**On a window-sill was a pile of copies ...*

**Lying on a window-sill was a pile of copies...*

Как известно, конструкция *there is / there are* воплощает в себе экзистенциальность в широком смысле слова, т.е. включает и значение существования, и значение наличия. Другими словами, это наиболее частотная многозначная конструкция в синтаксическом ряду бытийных конструкций. Высказывания с вводящим *there* реализуются в любом функциональном стиле как в диалогах, так и в монологических контекстах. Конструкция с *there* устойчива, стилистически нейтральна, способна охватить различные виды сообщений, построенных с помощью бытийных конструкций.

Предложения с простой инверсией также относятся к бытийному типу, но вместе с тем они реализуют в основном значение наличия предмета или лица в определенном месте. Конструкция с простой инверсией в стилистическом плане менее мобильна и имеет преимущественную репрезентацию в книжной речи в так называемом изобразительном или описательном стиле речи. Наиболее маркированной в стилистическом плане является двойная инверсия.

Итак, синонимический ряд инвертированных экзистенциальных конструкций включает три конструкции: 1) с вводящим *there*; 2) с простой инверсией; 3) двойной инверсией. **Доминантой** данного синонимического ряда является конструкция с **вводящим *there*** как наиболее частотная, многозначная и стилистически нейтральная, и реализуется в двух вариантах: Adv — *there* — V — S и *there* — V — S — Adv.

Многообразие значений, передаваемых грамматическими конструкциями, отражает многообразие форм окружающего нас мира. У американских стилистов прошлых лет можно встретить такую рекомендацию: *A writer should not use the same word twice in a paragraph*. Этой рекомендацией можно воспользоваться также при использовании ЭП в описательном контексте. Наличие в контексте различных синонимичных конструкций позволяет избежать монотонности описания. Кроме того, синонимия часто рассматривается в рамках стилистики как важный источник языкового многообразия, позволяющий

выразить или описать одно и то же содержание через употребление различных языковых форм. Выбор той или иной синонимичной синтаксической конструкции может быть обусловлен коммуникативной задачей, стремлением решить ее, используя наиболее соответствующие замыслу говорящего языковые средства, например:

The range divided the coastal plain from the hinterland. There was only one gap in the chain and through it ran the only road into the interior, and that was a narrow dirty road, baked like concrete in summer, a quagmire in winter. Set on the further side of the range of hills was the single mountain that gives its name to the rest. It was not even the biggest (Fr. Forsyth, 1985).

Репрезентация в данном контексте различных инвертированных предложений с экзистенциальным значением, которые вводят в процесс повествования предмет или лицо, дает возможность их дальнейшей идентификации или характеристики с помощью других коммуникативных типов высказываний. Четкая логическая последовательность размещения различных типов предложений придает яркую иллюстративность описываемому контексту, а также не трудно заметить, что эти синонимичные синтаксические конструкции имеют различную степень экспрессивности.

Однако стилистические различия не относятся к числу явлений, определяющих типологию рядов. По справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой, синтаксический ряд как категория грамматическая конструируется на основе грамматических, а не стилистических признаков. Стилистические же расхождения играют существенную роль как в развитии соотношений между членами ряда, так и в складывании общей тенденции развития ряда как целого [8, 21]. Полученные результаты в ходе комплексного анализа экзистенциальных высказываний раскрывают пути семантического развития определенного типа предложений, взаимодействие в его структуре, лексического, грамматического и коммуникативного значений, в результате которого высказывание приобретает полифункциональность.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.

2. Власова Ю.Н. Проблемы синтаксической синонимии в современном английском языке. Дис. ... докт. филол.наук. Ростов-на-Дону, 1982.
3. Жилин И.М. Некоторые явления синтаксической синонимии в группе глагола современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л., 1962.
4. Копров В.Ю. Об аспектах синонимии английских причинно-следственных и временных конструкций //Вестник ВГУ, №2, 2010.
5. Лариохина Н.М. Синтаксические синонимы в преподавании русского языка как иностранного //Слово. Грамматика. Речь. Вып.3. М., 2001.
6. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Ars Poetica. Вып. I. М., 1927.
7. Сорокина Т.С. Функциональная грамматическая синонимия в английском языке. М., 1995.
8. Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания, № 4, 1973.
9. Шевякова В.Е. Современный английский язык. М., 1980.
10. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1964.
11. Ярцева В.Н. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. Вып. 1, 1957.